

3 Отпели или пропели величальную?

Дискуссия «Деревенщики. За и против», затеянная региональным журналом «Двина», неожиданно выплеснулась на просторы страны – её подхватил сайт Союза писателей России «Российский писатель» (ведущий Николай Дорошенко, секретарь СПР). В разговор, порой острый, вступали как литераторы – члены нашего патриотического Союза, так и сторонние, но активно читающие сограждане. Отпели писатели-деревенщики русскую деревню или пропели ей величальную? Вот часть отзывов, которые поступили на сайт «Российский писатель».

Валерий Яковлев

Есть Россия корневая, земляная. Откуда ВСЁ. Писатели-деревенщики артикулировали страдания и надежды этой нашей исконной Родины.

Бывает так, что писатель сказывает что-то от себя, а выговаривается нечто гораздо более значительное, даже в тексте прямо и не выраженное; рукою писателя водит истерзанная и кричащая от боли Родина, она пытается пробиться сквозь коросту душевной чёрствости к совести современников. К совести и, стало быть, к разуму.

Что произошло со страной? Как мы все допустили вот это всё несчастье и сотворили исполинскую мерзость запустения на одной шестой части планетарной суши? Политбюро ЦК КПСС, NSDAP? Американские империалисты? На них будем вальтить?

Деревенщики хотели одного – взросления читателя, чтобы читатель из обывателя превращался в гражданина. Потому что всенародное дело есть прежде всего коллективный гражданский поступок.

Владимир Пронский (Москва)

Пока жива Россия, и деревенская проза будет жить. Пока жива деревенская проза, будет жить и Россия!

Юрий Серб (Санкт-Петербург)

От подавляющего большинства мы попали в руки подавляющего меньшинства, которое пляшет на костях. А почему это случилось? Потому что меньшинство представляло собой ядро того прошлого большинства. Примерно с 1917 года.

Андрей Смолин (Вологда)

Мы уходим в сторону. Речь ведь о деревенской литературе XX века. Ведь она подсказала все процессы, которые мы наблюдаем в России. Лучше перечитать «Всё впереди» В. И. Белова. Ой как многое понятно было писателям. А народ... безмолвствовал... (как, впрочем, и сейчас).

Валерий Яковлев

Писатели-деревенщики вынудили власть отказать от идиотской затеи обратить течение рек.

Почему вообще власть посмела вынашивать такую затею? У неё в распоряжении были ресурсы, которыми она могла бесконтрольно распоряжаться и распорядилась. И в государственной системе СССР не было механизмов защиты от дебилов и преступников. Народ был беззащитен и бесправен. Позорное положение дел маскировалось ежедневной «народнической» пропагандой, съездами и пленумами РОДНОЙ ПАРТИИ. СССР был СТРАНОЙ ДУРАКОВ. Какие умные дураки жили в СССР! Запускали спутники, получали Нобелевскую премию, создали лучшую в мире математическую школу.

Писатели-деревенщики художественно описывали симптоматику недугов России деревенской, они хотели докричаться до тех представителей власти, у которых ещё не умерла совесть. Русская интеллигенция погрязла во второстепенной проблематике, не заметив главного: ЧТО ВООБЩЕ ПРОИСХОДИТ? Кто хозяйничает в стране, почему великий народ-богоносец оказался в стране родной без духовных вождей и в роли иждивенцев родной партии и советского правительства? Деревенщики дали советской интеллигенции шанс опомниться и начать думать. И этот шанс ещё не упущен.

Татьяна

Слова, слова. Пронзительный крик души... Слова. И чудные стихи Николая Рачкова.

Верните русскому деревню,

И Русь никто не свалит с ног.

Я преклоняюсь перед теми, кто сегодня приходит в покинутые сёла, чтобы посеять хлеб, создать современные фермы, школы, клубы, чтобы максимально сделать жизнь села привлекательной и ЗОВУЩЕЙ. Вот дорога от слов к делу.

И государство этим людям должно протянуть руки, оказать помощь, найти слова, которые

всколыхнули бы души людей, позвали ушедших к земле, чтобы ощутить себя Человеком, Созидателем. Сегодня лучших ждёт земля.

Без родников (деревень) рек не будет. Это понятно уже всем. Надо, надо возвращать жизнь деревням, быть может, таким же призывом и помощью, как это было при освоении целинных земель. Не монолиты создавать нужно, уничтожая малые города, а дать людям здоровый воздух. Это наконец должно понять правительство.

Правительству нужно оказать помощь угасающим деревням сегодня, сейчас. К нему в первую очередь следует обращать свой ГЛАГОЛ (СЛОВО).

Слова, кругом слова! Где же ДЕЛА? Где та Дума, которая будет думать о народе?

Валерий Яковлев

Чудные стихи Николая Рачкова. «Верните русскому деревню, /И Русь никто не свалит с ног». Здесь выражена суть литераторов-деревенщиков: это челобитчики и жалобщики. Амебы в пиджаках. (Один Титан даже вошёл в президентский совет). Верните русскому деревню! Дяденьки, отдайте русскому деревню! Щас. Хозяева так не говорят. А русские это Хозяева. Нужно только вспомнить об этом.

Олег Тарасов

Валерию Яковлеву:

Цитата: «Почему вообще власть посмела вынашивать такую затею?»

На этот вопрос проще ответить, если взглянуть на него с национальной точки зрения. Интересы природных ресурсов в местах проживания русских отстаивать было некому. ЦК КП России, как мы знаем, в природе не существовало, в отличие от остальных республик. И среди высокопоставленных коммунистов не существовало и самой традиции – бороться за сохранение чего-то русского. Все другие институты (власти и наук) РСФСР, как бы они ни назывались и как бы они ни вступались за русские земли, в противостоянии с административной машиной ЦК КПСС безнадежно проигрывали.

В республиках было проще: национальные окраины извещали Москву о своих проблемах, и Москва напрягала всё, что могла, чтобы эта проблема была решена.

О том, что Средней Азии требуется вода из РСФСР, в 50-х годах затрубил казахский академик Шафик Чокин. И спустя какое-то количество лет пленум ЦК КПСС разродился решением. Были запущены сначала канал Иртыш – Караганда, а к концу 70-х и Кулундинский магистральный канал.

Аппетиты стали расти. С конца 70-х в Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР большим чиновником работал Полад Аджиевич Полад-заде (1-й зам, И. О.), по национальности азербайджанец. Мероприятия по повороту рек грозили перейти на новую, более мощную стадию, ибо Полад-заде взялся не на шутку. (Через всемогущего Алиева идея не встречала сопротивления в самых верхах, а только у общест-венности).

Причём здесь национальности? Менталитет. Во-первых, – сейчас это понятно лучше, нежели в само советское время, – министерства и главки, конечно же, попиливали бюджетные деньги себе в карман. Не в таком безобразном масштабе и не откровенно деньгами. Но материальным ресурсам кавказские и азиатские коллеги умели приделывать ноги лучше всех. (И, конечно, из огромной кучи украсть куда безопаснее, чем из маленькой). А поворот северных рек – бюджет просто неслыханный!

Второе: забор воды из русских регионов – для настоящего джигита это совсем не головная боль. РСФСР – чужая земля, а вот пополнение водой Каспийского региона, земли предков, – святое дело!

Мне в связи с этим вспомнилась речь депутата СССР (того самого знаменитого съезда последних лет). Фамилию его не помню, но депутат был от какой-то среднеазиатской республики. Он чуть ли не голосил в микрофон: «Состоялась экологическая катастрофа! Арал высох!» Его понять можно было, что Аральское море почти исчезло, но, с другой стороны, он взывал к тому, чтобы эту проблему решала Москва за счёт водных ресурсов РСФСР – если смотреть на эту речь без прикрас.

В принципе идея поворота северных рек отлично укладывалась в парадигму коммунистического и атеистического общества. «Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача!» Ну и «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» – т. е. ничего, что русский станет жить хуже, зато поможет своим «младшим братьям».

Александр Иванов

У меня такое ощущение, что вместо русских писателей за обсуждение темы взялся сам Чубайс и поэтому превратилось всё в осуждение СССР. На самом деле с появлением деревенской литературы в СССР началось то, что называется ростом национального самосознания. И этот рост не дал повернуть реки.

Сегодня же качество положения русских отброшено до уровня военного коммунизма времён Бухарина и Троцкого.

И поэтому чем хуже сегодня русским, тем выше сегодня антисоветская истерия.

Николай Ольков

(д. Каратаевка, Тюменская область)

Совсем недавно сайт опубликовал мою статью «Как убивают деревню» и несколько десятков откликов разных людей. Да, нам надо помнить уроки великих, но и сегодняшней день не забывать. Деревенская проза сегодня вообще не востребована, журналы не берут, издателям экономически неинтересно. А почему бы, например, Союзу писателей совместно с общественным движением «Федеральный сельсовет» (В. А. Мельниченко), с другими организациями не объявить конкурс произведений на современную сельскую тему – не газетные поскребушки, а художественное осмысление происходящих на селе процессов. Признаемся наконец, что деревня гибнет, а там традиции, устои, нравственность, патриотизм, а мы упиваемся классиками.

Анна Гранатова (Москва)

Бытие определяет сознание. Хотим мы того или нет. В нашем сознании, быть может, и есть место деревенской культуре, но этого места уже нет в головах нашего читателя. Им не понять всю ту литературу, что шла в фарватере 60-х и была актуальна ещё и вместе с кино, призывавшим «возродить деревню». Деревню не возродили, но направление деревенщиков создали. И это было тогда востребовано. Сегодня нет материала – простите, что так грубо, нет самой деревни, нет прототипов, не с кого писать тексты. Но даже если и найдёте что-то такое, годящееся для создания художественного образа, то где вы отыщете читателя, которому всё это надо?

Валерий Яковлев

Бытие определяет сознание особей без царя в голове. Коих примерно 95% популяции.

Николай Ольков

Анне Гранатовой

Так о чём в таком случае горюет Верещагин в соседней публикации? Процесс угасания деревни практически непрерывный, и тут разные причины, мы же говорим о сознательном удушении крестьянства как класса. А читатель – это такая управляемая масса. Вспомним 60-е годы, научно-технический прогресс, к чёрту романтику, все уже в скафандрах и почти на Венере. И тут появляются «Повести гор и степей», бесхитростная книжка Чингиза Айтматова. И все вспомнили, что мы люди. Что же вы деревню заживо хороните?

Ольга Корзова

(с. Корякино, Архангельская область)

Анна Гранатова, я родилась и живу в деревне, в ней сейчас 7 жителей. Во времена моего детства, конечно, всё было иначе. Деревня умирает, как и многие вокруг, где людей побольше. Но жизнь ещё теплится. И люди в библиотеки приходят. Значит, есть для кого писать. И вокруг столько интересных историй, характеров... Просто увидеть их нужно. Это во-первых.

Во-вторых, конечно, 20-летним будет интересно не всё. Но пишем мы не только для них. Да и мне, например, в 20 тоже не очень интересно были и Абрамов, и Белов. О другом думалось. Всему своё время.

В-третьих, разве так называемые деревенщики были узкими профессионалами? В их книгах нет общечеловеческих тем?

Александр Бобров (Москва)

Зачин любопытный – как я понял, Рудалёв высказывается. А потом много того, что определяется строчками Коли Рачкова и Коли Мельникова покойного: «Поставьте памятник деревне/На Красной площади в Москве...». Ну раз такие призывы – деревни нет.

Да для меня и Белов с его «Всё впереди», и Распутин с «Живи и помни» никакими деревенщиками не были. А разве «Царь-рыба» деревенская проза? Чего-то мы понятия путаем. Все великие земляки-москвичи – Пушкин с «Повестями Белкина», Тургенев или Достоевский – не были деревенщиками – ну знали усадьбу,

язык крестьян, Тургенев классические очерки написал. И что?

Деревенщики – те, кто выразил трагедию уничтожаемой и уходящей деревни. Шукшин с ней горько простился с самого начала – отсюда пронзительность. Это трагедия, сознательно сотворённая, ускоренная, но свершившаяся – отсюда взлёт. Это традиция русской литературы – прощаться на высочайшей ноте, например, с дворянством: Бунин, Блок...

Николай Денисов (Тюмень) **Постперестройка**

«Чёрного кобеля не отмоешь до бела!»
Пословица

Не создали обещанный рай,
А облаяли русского Ваню.
Мужику – хоть ложись, помирай!
Он же строит по белому баню.
То ль чудит, то ль свихнулся сосед?
Но топорик наточен как надо.
Тук да тук! – раздаётся чуть свет
На краю мирового распада.
На пороге грядущей грозы,
Инквизиторских новых жаровен
Ладно рубит венцы и пазы
Из подручных осинового брёвен.
На снегу зеленеет кора
Как предвестница майской полянки.
Светел Ваня в пространстве двора,
Ни до власти ему, ни до пьянки.
И в окрестности рощ и полей
Как-то легче становится сразу.
Да и чёрных он тех кобелей
Называет пристойно: «Заразы!»
И на старые раны соля,
Он ответственно шутит меж делом:
«Ну хотя бы себя кобеля
Я отмую и сделаю белым!»

Валерий

Ю. Грымов – о культуре на селе

В деревне Новодарьино в Одинцовском районе жители отстаивают право ходить в библиотеку. Это само по себе уже событие: люди хотят ходить в библиотеку, люди хотят собираться и общаться друг с другом, обсуждая не телесериалы, а прочитанные книги. Это – благая весть!

Областное министерство культуры это запрещает.

Почему? Потому что, оказывается, помещение не предназначено для того, чтобы там собирались люди. На что местные жители говорят: хорошо, мы за свои деньги отремонтируем этот маленький домик. В ответ: вы не имеете права проводить ремонт на собственные средства. Хорошо, говорят жители, тогда дайте деньги вы, министерство культуры. На что чиновники говорят: не положено, нужно провести конкурсы, а чтобы провести конкурсы, нужно финансирование, а его нет.

Какая проявляется глупость. Люди говорят: мы хотим оставаться культурной нацией. Мы не хотим, чтобы библиотека превратилась в супермаркет или спа-салон. А чиновники отвечают: нет, мы сделаем всё возможное в рамках закона, чтобы этого не случилось. И предлагают

жителям Новодарьино ходить в «соседнюю» библиотеку, которая находится в десяти километрах от деревни.

Чиновники министерства культуры должны прыгать от счастья: даже в маленькой подмосковной деревне есть ещё люди, для которых культурные ценности не менее важны, чем материальные. Они должны радоваться тому, что в стране ещё живёт культура – та самая, сохранению которой эти господа должны, как мне кажется, содействовать. Та самая, которая в общем кормит этих чиновников. Не будет культуры – не станет и министерства; хотя бы с этой точки зрения задумались.

Николай Дорошенко (Москва)

Деревенская литература появилась как нечто особенное не потому, что вдруг зазвучала тема деревни в прозе и поэзии (о деревне и крестьянах писать не переставали со времен «Бежина луга»), не потому, что выпало именно крестьянину Белову не просто написать историю жизни крестьянина Ивана Африкановича, а потому, что «Привычное дело» – это в советской литературе впервые не о борьбе за урожай и не о переменах к лучшему в колхозной жизни, а просто о человеке таком, каков он есть.

Да, Шолохов когда-то написал просто о человеке великий роман «Тихий Дон», у Леонида Леонова повесть «Evgenia Ivanovna» – тоже просто о человеке. Но это были живые классики, они воспринимались вне общего литературного процесса.

А тут новый писатель, и не о Гражданской или Отечественной войне он пишет, а о жизни обыкновенной и рутинной. Но мы-то уже не могли расстаться с обыкновенным Иваном Африкановичем до последней страницы, сопереживая каждому мигу его неостросюжетной жизни лишь потому, что он – живой и поэтому родной человек.

А поскольку нестерпимо жалко этих живых людей, то появилось целое направление в литературе, имеющее уже и собственную мировоззренческую оснастку. «Прощание с Матёрой» – это попытка защитить мир живых и добрых людей от бездушной государственной машины, от попыток кроить и перекраивать жизнь по живому. А потом и появилась у того же Белова догадка, что после революции крестьянство осталось последним в России сословием, сохранившим собственную многовековую культуру, свой многовековой духовно-нравственный уклад. Так родилась у Белова, может быть, главная русская книга – «Лад». Можно сказать, что у русских читателей впервые появились не отдельные имена, а целый слой своей национальной, народосберегающей элиты. И уже литература стала различаться не по тематике, а отношением к человеку как к высшей ценности и отношением к своей стране как к родному дому. Это были уже не советские писатели, а почвенники и западники. Например, в главном журнале почвенников – в викуловском «Нашем современнике» – одним из самых постоянных авторов являлся Георгий Семёнов, москвич, пишущий исключительно о москвичах. А уж Викулов блюл чистоту почвенниче-

ских рядов так, что скорее мог перебдеть, чем недобдеть.

Сужая проблему деревенской литературы до темы деревни в литературе, мы не отдаём себе отчёта в том, что после 1917 года русская литература во всех её высоких смыслах заново родилась именно в колыбели литературы деревенской.

Поэтому те из нынешних молодых людей, кто читает Белова или Распутина, могут читать и Толстого, и Достоевского. А те, кто уже заточен на «западников» или даже на «патриотов» по типу Прилепина, Толстого уже не осилит. Да и, будучи не заряженным духовно-нравственными мотивациями, которыми не только русская, а и любая традиционная литература может зарядить, проще телевизором себя развлечь, чем чтением.

И надо отдавать себе отчёт в том, что не либеральных писателей, культивирующих независимость от государства, боится либеральная власть, а писателей-государственников, которым Россию жалко, которые способны вызывать сострадание не только к избранным, а к каждому живому человеку.

Владимир Подлuzский (Сыктывкар)

Тут говорят о повороте северных рек. Могу сказать, что я был первым журналистом, который неделю провёл с питерскими учёными у так называемого Атомного озера, образовавшегося в результате двух подземных взрывов. Зрелище даже через двадцать лет было ужасное. Всего намечалось двести! Почему их тогда, в 1972-м, остановили, неясно. Может быть, как раз из-за волны недовольства, поднятой писателями. Зато уже в наши годы Лужков требовал продолжения проекта. Слава Богу, и его остановили. Я к тому, что если писатели на всех уровнях заговорят о русской деревне, то рано или поздно власти вынуждены будут взяться за неё. А Николаю Ивановичу спасибо, что вернул дискуссию во внятное русло.

Андрей Тимофеев (Москва)

В некоторых местах разговор был очень интересен, будто задевал большой нерв. Особенно в «предисловии» Михаила Попова. Есть несколько важных моментов.

Во-первых, отношение к деревенской литературе сейчас, в начале XXI века. Оно в целом уже устоялось и в сконцентрированном виде выражено Николаем Ивановичем Дорошенко. Но, судя по всему, ещё всё-таки не принято всем литературным сообществом, потому что многие по-прежнему сводят эту литературу просто к текстам о погибающей деревне. На эту тему есть статья Кожина «Ценности истинные и мнимые», где всё прекрасно объяснено на примере того же «Привычного дела». Кстати, очень странно были для меня слова оппонента Попова о противопоставлении военной и деревенской прозы. На мой взгляд, как раз без первой не было бы второй – это связанные, вытекающие одно из другого явления. По поводу того, что деревенская литература «не выработала пути выхода из кризиса», – в этих словах есть горькая

правда. Но есть также и поверхностность, непонимание глубины кризиса.

Второй момент – современный литпроцесс. Условных почвенников часто упрекают в закрытости, как бы замороженности на литературе, которая уже в прошлом. В этом есть правда, особенно на уровне отдельных людей. Кроме того, нужно понимать, что человек, в том числе писатель, всегда живёт во времени, которое любит, и потому совершенно естественно тем, кто не пережил и не принял развала страны, любить время, которое этому предшествовало. Всё это есть, и в этом отчасти присутствует «замороженность», но лишь отчасти.

Главное же в том, что упрёк в закрытости предполагает у упрекающего специфическую поверхностную «открытость». «Быть открытым значит быть современным» – вот ошибочный девиз многих, в том числе и немолодых, авторов. Но это категорически неверно, потому что ведёт к беззаботному принятию любых явлений без проверки их на внутренних нравственных весах. И именно поэтому отталкивает почвенников проза Прилепина, Шаргунова и Сенчина (несмотря на то что последний роман Сенчина, например, тоже о деревне).

Потому-то практически все почвенники «старобрядчески брюзжат» по поводу прозы нового реализма и читать её никогда не будут. Это иногда переходит границы (ведь Прилепина, Шаргунова и Сенчина можно признать как авторов второстепенных, как, например, авангардистов 20-х годов, без того, чтобы накидываться на них по всякому удобному поводу). Впрочем, здесь есть уже сугубо практические моменты, которых в этом разговоре касаться не будем.

И последнее. На мой взгляд, новая литература невозможна без преемственности, без некоторой оглядки на деревенскую прозу (а через неё, как правильно подметил Николай Иванович, и на всю классическую русскую литературу). Но эта оглядка – скорее сверяние нравственного ориентира, чем подражание, перенимание художественных приёмов, развитие тем и т. д.

Александр Можаяев

(хутор Можаяевка, Ростовская область)

Вся беда в том, что, дискутируя о деревенской прозе, никто эту современную деревенскую прозу не читал и, видимо, уже никогда не прочтёт... Деревенская проза не пишется в столицах, она пишется далеко в глубинке, на самой земле. Авторы-деревенщиков никто не печатает, в лучшем случае они издаются за свой счёт книжками в 100 экземпляров и тихонечко умирают вместе со своей деревней...

Владимир Подлuzский

Во-первых, надо разобраться, что такое сегодня русская деревня, а уж потом говорить о современной деревенской литературе. Так вот, деревня вопреки расхожему мнению некоторых городских критиков не умерла. По крайней мере в той степени, как мы порой живописуем, беря первые попавшиеся под перо примеры. Она та самая сказочная птица Феникс, которая всё равно возродится из пепла. Откуда такая уверенность? Из собственного писательского и человеческого

опыта. Да, она во многих местах обезлюдела, обветшала. Но плодородная земля-то осталась. Она прокормит миллионы. Только держава должна предложить современные формы сельской общественной жизни, которые бы привлекли сюда назад из города её бывших, ещё не старых обитателей. По-прежнему шумят травой луга, а леса мощными деревьями. Вокруг много птиц и зверья. А на многих полях выращивают хлеба, картошку, овощи. Районные рынки ломаются от свежего мяса и местных фруктов. Явные плоды импортозамещения, которые, скажу по секрету, никогда и никуда не исчезали.

Как ни странно, возделыванием сельхозкультур и разведением скота занимаются люди среднего и достаточно молодого возраста. У них дети учатся в школах и служат в армии. Такова ситуация в моём Унечском районе Брянской области. А родное село Рохманово, к сожалению, теперь состоит из двух частей – старой, почти вымершей и новой – посёлка городского типа, построенного государством для переселенцев из Чернобыля. Вот эта новая часть с прекрасной дорогой, с огородами, садами, сараями с живностью, нивами и плантациями, магазинами, школой, медпунктом и библиотекой, где на полках лежат и мои книги, и есть прообраз будущей России. В таких местах и нужно всматриваться писателям в новые ростки пробуждения нации. А почему я в своих стихах не всегда всматриваюсь?! Тоже, наверное, согласно моде пою об имеющем место общем, но не повсеместном обветшании.

Достаточно перспективных населённых сельских пунктов в стране немало. Есть ли у них связь со старым селом? Слабая. На уровне деревенских праздников и некоторых традиций, сидящих в самих русских корнях. Потому что приехавшие люди со старым селом кровно почти не связаны. А местные жители одиноко доживают свой век, хотя и пытаются дружить с приехавшими.

Не напоминает ли ситуация вам, дорогие коллеги, нашу современную литературную действительность? Между старым «селом» и современным «посёлком» нет прочной соединительной ткани. То есть между классической русской литературой и современными достойными писателями не существует крепких, идеологически выверенных скреп. Кто из настоящих критиков исследовал, например, творчество того же талантливого сибирского прозаика Николая Олькова?

«Российский писатель» поднял важную тему, но многие бегут от неё, как чёрт от ладана, предпочитая на литературных вечерах бить себя в грудь, заверяя в вечной любви к умирающей деревне. А может, она и не умирает, а лишь замерла на время, чтобы потом пробудиться с новой силой. И это не утопия. Давайте не рубить с плеча. Читатель от нас ждёт оптимизма, а вопленниц и без нас хватит.

Анатолий Ревенко

В моём родном селе было триста дворов. Сейчас чуть поменьше. Живут огородами. А детей в школе уже всего лишь горсть, в некоторых классах по одному. При тысяче, когда я там учился. Потому что нет работы, нет перспектив.

Вся земля в собственности какой-то московской фирмы. Эта фирма поставляет в сезон свою технику вместе со своими рабочими. Они выгружаются, пахут, сеют, уезжают, потом опять появляются, жнут.

И ведь даже в город не уедешь, потому что на квартиру там не заработаешь за всю свою жизнь.

Вот и загляните этим властью забытым людям в душу и заплачьте над их судьбой. Получится настоящая русская литература. И не вторичная, потому что в таком отверженном виде русский человек никогда за всю свою историю не оказывался.

Надежда Мирошниченко (Сыктывкар)

Спасибо архангельскому Михаилу Попову, замечательному прозаику и подвижнику, за начатый разговор. О его необходимости говорит серьёзность и разноплановость откликов. И все потоки этого многоголосья впадают в многоводную реку главной темы – Русский народ. Мне кажутся особенно важными именно для «Р. П.» размышления Николая Дорошенко, Андрея Тимофеева и реплика Александра Можаяева. Но к «Ладу» Василия Ивановича Белова мне хотелось бы добавить удивительный гимн русскому крестьянину и русскому языку Владимира Личутина, его «Душу неизъяснимую».

Но и преднамеренное уничтожение крестьянства с последующим уничтожением малых деревень и их дочерних дитяток – малых городов, и преднамеренное же политическое уничтожение Русского языка с уже вековой попыткой перевода его в язык только «интернациональный» (на чём-то же надо держать страну), и преднамеренное уничтожение Русской школы – всё это начинается с преднамеренного, начавшегося ещё в 1917 году массового уничтожения крестьянского населения России под разговоры о приоритете промышленного могущества. В результате и с могуществом – не очень, и с основой нации – никак. На единство России ещё влияет генетический отголосок общей Памяти. И СССР тут не спасёт, дело не в нём. Уничтожаются остатки сферы существования Русского народа как основы России и СССР. Очень нужный разговор, который должен стать перманентным, прости Господи!, т. е. непрекращающимся на сайте. Его надо выводить в отдельную площадку «Р. П.»! А уже итоги дискуссии дарить нашему правительству как продукт международного фронта.

Р. С. Да, к вопросу о читательских предпочтениях нашей молодёжи. А откуда им быть другими, когда не только их папы и мамы, а уже бабушки и дедушки не знают истории государства Российского?! Появится в России школа именно Нашего государства, вернётся и память в детском сердца. А нет, так давай-те все вместе оглянемся на сегодняшний Киев. И дело здесь не в «современно – несовременно». А в Вечно и Мимолётно. Бог в помощь всем нам!

Михаил Попов (Архангельск)

Спасибо, Надежда! Мы близки в мыслях и тревогах.

Деревенская литература, начавшаяся с «Тихого Дона», – самое яркое явление отече-

ственной словесности XX века. Она корнями уходит в русскую классику XIX века и глубже – в русские народные сказки и былины. Именно через такую словесность мы с вами (обращаясь к аудитории) с детства питались соками родной земли, становясь подлинно русскими людьми, патриотами своего Отечества.

Наши дети и внуки уже лишены этого источника. Нынешнее министерство образования методично уничтожает национальные корни, изымая из учебных программ подлинно русскую словесность и подменяя её толерантным мармеладом или постмодернистскими ГМО.

Что делать в этих обстоятельствах нам, русским литераторам? Всячески препятствовать этому пагубному для наших детей и, следовательно, нашей Родины процессу. Именно этим и продиктована наша – с Русского Севера – публикация. Отстоять на уровне школы имена Фёдора Абрамова, Виктора Астафьева, Василия Белова, Валентина Распутина... Ведь здесь узел нынешних бед – разрыв поколений, отпадение молодёжи от кровного, от корневых традиций. Человек без корней, без глубинной – через словесность – связи с родной землёй – перекасти поле. Сколько их, наших детей и внуков, носит сейчас по миру! О них горюет сердце.

Илья Вишневский

Хотелось бы сказать пару слов, поскольку сам живу в деревне, хотя и работаю в городе. Может быть, меня нельзя назвать сельским жителем – я скорее горожанин, живущий за городом. Но жизнь несчастной деревни Нечерноземья вижу каждый день. Главные её признаки – косность, лень, невежество и пьянство. Не приемлют ничего нового, ничем не интересуются, ничего не читают, единственный вид досуга – распитие браги, самогона или чего там ещё бог пошлёт. Работают плохо, живут в грязи и неустроенности. Пытаешься кого-то из аборигенов нанять что-то сделать – например, сарай построить – ответ один: «Сколько дашь?» – «Дану, на фиг, из-за таких денег с печки не слезу». – «Да у тебя же ни гроша за душой! А тут хоть какие-то деньги за пару дней работы!» – «Не хочу!»

А потом, когда за такую же цену колотят сарай таджики, будет ходить рядом и ворчать сквозь зубы: «Кто так делает, руки бы им оборвать, да я лучше бы сделал и дешевле...» И возненавидит тебя на всю оставшуюся жизнь и будет считать... евреем. Почему евреем? Да больно умный, вот и всё.

В общем, как описывал селян Пантелеймон Романов сто лет назад, на заре Совка, так их психология и не поменялась.

Так что никакой трагедии я не вижу. Спивается деревня, пустеет. Так туда ей и дорога. Я лично не грущу. И не ищу трагедии там, где просто налицо деградация по причине обыкновенной глупости и лени.

Никто специально не держит селян там, где они живут. Не нравится так жить, борись, учись, ищи, где и как можно заработать и обустроить свою жизнь. А не вопи, что все тебе должны, потому что тебе, видите ли, плохо. Работай, шевелись. Бунтуй, в конце концов,

а не ной, сидя на печи. Впрочем, кому я это говорю... Ребят, напишите что-нибудь действительно оригинальное, живое, чтобы чтение было захватывающим, ярким. Сможете? Если нет, просто займитесь чем-нибудь другим. Оловянных солдатиков раскрашивайте, например. Хоть вашим внукам радость будет.

Николай Ольков

Скажите, вот это мог написать русский человек, переживающий за свою землю? Какой цинизм, какая ненависть, сколько презрения к этим несчастным, обездоленным демократами и воругами вселенского масштаба.

«Так что никакой трагедии я не вижу. Спи-вается деревня, пустеет. Так туда ей и дорога. Я лично не грущу. И не ищю трагедии там, где просто налицо деградация по причине обыкновенной глупости и лени...» и т. д.

Надежда Мирошниченко

Дорогой Николай, во-первых, спасибо вам за ваше творчество и живую душу. А во-вторых, мне кажется обсуждение идёт настолько серьёзное, что мы не должны дать столкнуться себя с этой главной дороги. Те, кто участвует в обсуждении, не могут всерьёз дискутировать с авторами подобных откликов. Самое лучшее – не тратить на них внимание. Сколько полезных дискуссий они уже свели к сваре. И мне кажется, мы не должны дать прекратиться этому обсуждению. Ибо тогда оно превратится в ОДНО ИЗ... А это единственно важное сегодня, если думать о будущем России. Бог в помощь!

Светлана Демченко (Львов)

Интересная, полезная полемика о судьбе и роли т. н. деревенской литературы. Этой теме была, по существу, посвящена моя книга «Бес-смертник родства Виктора Герасина».

Ошибочно расценивать эту литературу с точки зрения отражения жизни деревни как места проживания.

Эти произведения вовсе не о деревне как поселении, а о ЧЕЛОВЕКЕ, его нравах и нормах, о глубоких христианских корнях, о том духовном родстве и традициях, которые питают каждого из нас.

Валентин Распутин так и писал: «Так называемая деревенская литература прошлого века долгие годы больше всего занималась нравственным здоровьем человека – и человека настоящего, и человека будущего».

Иными словами, это прежде всего взгляд на мир; наряду с классикой он превратился в своеобразный иммунитет от духовной коррозии нации. И не только на просторах России, а и за её пределами.

Автор и инициатор полемики уважаемый писатель Михаил Константинович Попов зрит в корень!

Многие участники разговора механистически упрощают проблему, сводя её к умирающей в наши дни деревне, в их суждениях проскальзывает пренебрежение, мол, о чём здесь разговаривать?!

Виктор Иванович Герасин говорил: «Презрительное отношение к деревенщикам – это

чистоплюйство, а если более точно – неприятие русской действительности, русской нации определёнными лицами ненавистников. Пусть урбанисты попробуют написать так, как писали деревенщики. И это правда!

И что примечательно: самобытное творчество деревенщиков никогда не было конъюнктурным и услужливым моде, оно наполнено вечным смыслом и правдой жизни. Чьё бы вы ни взяли – Ф. Абрамова, В. Белова, А. Яшина (Русский Север), Б. Можяева, М. Алексеева, Е. Носова, Н. Рубцова, В. Солоухина, В. Тендрякова (центр России), В. Лихоносова (юг России), В. Распутина, В. Шукшина, С. Залыгина, В. Липатова, В. Астафьева, И. Акулова (Сибирь)...

Отличный комментарий уважаемого писателя Николая Ивановича Дорошенко. Благодаря ему обмен мнениями был направлен в сущностное русло проблемы.

Большое спасибо за этот глубокий серьёзный разговор.

Особая благодарность всем архангельским авторам. Материалы профессиональны, колоритны, интересны.

Владимир Подлuzский

Дискуссия пока не дала ответов на многие вопросы. Во-первых, хотелось бы уяснить, почему классическая русская литература, расцветшая в XIX веке на благодатной солнечной Орловщине, вдруг в середине XX века ушла в сумрачные леса Вологодчины и Архангелогородчины? Почему именно здесь взошла «Звезда полей»? Почему в отдельном Харовском районе Вологодской области почти одновременно, хоть и на короткое время, появлялись Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Николай Рубцов? Кто или что их притягивало? Только ли Белов со своей Тимонихой? А может, в здешних местах хранился запасной волшебный камень-семцвет отечественной классики? И он существенно повлиял на развитие отечественной словесности? Хотелось бы услышать мнение орловских, курских, брянских писателей, ну и конечно, вологодских.

Михаил Попов

Уважаемый Владимир!

Русский Север – изначально бродильная дёжа русской словесности. Именно здесь сохранился свод древнерусских былин (основа национального фольклора), кои в XIX – начале XX века певали здешние баюны и бахари и кои успели записать патриоты-фольклористы. Одна из них – Мария Кривополенова (в обиходе Махонька) – персонаж начатого, но не законченного романа Фёдора Абрамова «Чистая книга». Этот образ, пронизывающий русские века, сулил нашей словесности новые горизонты...

А что касается гнездования на Севере названных имён, так это логично. Поинтересуйтесь подробностями их судеб – даже у отдалённого по рождению Распутина – наши северорусские (гиперборейские) истоки. Птицы всегда возвращаются на родные гнездовья, хотя бы на погляденье.

Однако мы опять отвлекаемся от темы...

Андрей Смолин*Владимиру*

Безусловно, само явление деревенской литературы на Русском Севере имеет и свои социально-культурные основы. Правда, нельзя делать такое ограничение. Подобное явление было известно повсеместно: от Сибири и Урала до юга страны, от В. Распутина до В. Лихонова...

И всё-таки почему Русский Север кажется ярче других областей? Во-первых, не было здесь фашистской оккупации. Свою «дань» в сотни тысяч крестьянских сыновей Русский Север отдал, но сумел сохранить почти старинный уклад жизни. (В западных и южных областях сотни сёл и деревень были просто сожжены...). Тут нужно благодарить и русских женщин! Они – вдовы и солдатки – героини многих и многих произведений писателей-деревенщиков. И они пронесли основы народной культуры почти через весь двадцатый век... Во-вторых, надо благодарить... северное бездорожье того времени. Благодаря ему долго сохранялись анклавы подлинной крестьянской культуры даже и XIX века. Почти до 1980-х годов! Я хуже знаю Архангельскую область, но в Вологодской могу назвать десятки мест, где и в 1980-е годы народ отлично пользовался старинными говорами. Туда не было дорог, поэтому цивилизация очень сильно запаздывала... Интересно, что даже поколение, последовавшее за В. Беловым и Н. Рубцовым, всё ещё было почти полностью крестьянским. Да, талантами поменьше, но в своей корневой сути творчества и это поколение сумело продолжить традиции предшественников. Сейчас всё это затухло на корню. Вот в чём беда, наверное, для русской литературы нашего времени...

Григорий Блехман (Москва)

На мой взгляд, каждый крупный Мастер литературы, в каком бы жанре ни писал и какой бы внутренней философии ни придерживался, в конечном счёте пишет произведения общечеловеческого масштаба.

Разве при упоминании имён Блока, Есенина, Гумилёва, Маяковского... мы думаем соответственно о символизме, имажинизме, акмеизме, футуризме?.. Мы ведь с благодарностью думаем, что эти люди выразили своё состояние души ТАК, как ты сам чувствовал, но выразить не сумел.

То же думаем и о Белове, Астафьеве, Распутине, Шукшине..., не вдвигая их в какие-то узкие рамки, где таким Кюрифеям тесно.

Эти рамки – для «истов», «щиков»... – обычно используют при определении места в литературе людей, мягко говоря, скромных литературных задатков, если что-то требуется у такого литератора сказать.

Поэтому, чтобы не обидеть тех, кого уже оставило благодарным потомкам время, не стал бы им отводить какие-то ниши.

Они просто Поэты или Прозаики.

И в своих произведениях сумели сказать обо всём, может, даже специально и не ставя таких целей. Их вёл к этому дар Божий.

Да и писали они «о том, от чего не спится по ночам».

Ведь только так, при наличии того самого дара Божьего, и можно создавать произведения не на заданную тему, а чтобы, написав, почувствовать то самое; «над вымыслом слезами обольюсь».

По-моему, мы в конечном счёте говорим здесь именно об этом, лишь по-разному формулируя свои мысли.

Николай Дорошенко

Согласен с Григорием Блехманом в том, что, записывая Белова или Рубцова в деревенщики или вологодцы, мы как бы подчеркиваем их ограниченность географическую и тематическую. Не говорим же мы о Достоевском, что он питерский писатель.

И, повторяю, Белову удалось «Привычным делом» не просто частным порядком вернуться от литературы советской к литературе русской, а придать даже и литературному процессу характер национального возрождения.

Хотя, конечно, это возрождение имело много иных источников. Например, по разным причинам не смогли крестьянские поэты начала XX века выполнить роль Белова, но Есенин, породивший многих и многих эпигонов, затем пророс и во вполне блистательных «тихих лириках» 60-х годов. Точно так же свою охранительную роль сыграли и эпигоны Шолохова.

Опять же, бездорожье Севера сохранило культуру крестьянского сословия до той поры, когда крестьяне, получившие образование, смогли в русской литературе сыграть ту же роль, что и дворяне в XIX веке.

И вопрос вот в чём: есть ли ныне у России то сословие, которое как русский культурно-нравственный тип сохранилось?

Была у Кожина надежда на русскую интеллигенцию, перенявшую наши цивилизационные коды из домашних библиотек. Но при нынешнем качестве школьного и вузовского образования можно ли рассчитывать, что появятся у нас такие столичные интеллигенты, как сам Кожин?

Юрий Брыжашов*(г. Белореченск, Краснодарский край)*

Нельзя не согласиться с Надеждой Миропниченко. Осознание, понимание того, чем была литература, о которой идёт речь, – ключ к пониманию состояния и литературы сегодняшней, её проблем и задач. И конечно, обсуждение этого должно быть периодически возобновляемым, снова и снова. Через каждые, допустим, два месяца. Необходимо возвращаться и возвращаться к осмыслению того, что это была за литература как таковая. Тем более что фактически два с половиной десятилетия, с 1966-го по 1991 год, все значительные произведения соотносились с деревенской (действительно, искусственное и неверное название) прозой.

Хочется особо подчеркнуть связь выдающихся представителей этой литературы с классической русской литературой XIX–XX веков. Творческое наследие их – как раздвижной мост во времени, который, заполняя известную пустоту, достигает вопреки всему дня сегодняшнего.

Важно следующее: представители этой литературы – преемники великой литературы русской, они – наследники её традиций, они – её связующая нить, протянувшаяся до дней сегодняшних. (Уже одним этим снимая все претензии, к ним сегодня предъявляемые). Наш долг – не растерять эти традиции, не утратить преемственности.

Михаил Попов

«Наш долг – не растерять эти традиции, не утратить преемственности», – завершает Юрий своё выступление. Мы все об этом в сущности говорим. Но нет предметности в наших благих пожеланиях. Уже второе, если не третье поколение наших наследников не наследуют того, что дорого было русскому человеку на протяжении столетий – родную речь, словесность, русский мелос. Мы топчемся на одном месте, соотечественники и коллеги. Меж тем Родина уходит из-под ног.

Светлана Демченко

В середине прошлого века, как и сегодня, определение деревенского направления литературы даже в писательской среде вызывало споры, непонимание, порой обиды, ибо казалось слишком узким. В. Распутин его не любил, иначе как «так называемая деревенская литература» не определял.

Но надо было как-то выделить эти полвека прекрасной русской литературы, поэтому как бы по умолчанию она и стала с подачи критиков и литературоведов «деревенской».

По-моему, кавычки здесь логичны. Ведь по идейной и нравственной сути она органично близка классике. Возьмите повесть «Деревня» И. Бунина.

Ведь, если уж на то пошло, редко кто из классиков обходил вниманием деревенскую действительность.

Тот же А. Пушкин или М. Лермонтов, А. Некрасов, И. Тургенев, Л. Толстой, Ф. Достоевский также не понаслышке знали деревенский быт.

Так что никто из классиков не был «рафинированным» урбанистом.

Поэтому в понятие деревенской литературы мы вкладываем не узкий географический смысл, а глубокий мировоззренческий, исследующий проблемы России и русского народа, его истинного нрава и духа.

В этом смысле комментарии писателей Г. Блехмана, Н. Дорошенко, Ю. Брыжашова, М. Попова, Н. Мирошниченко, С. Вермишевой (с точки зрения методологии анализа) мне очень близки. Спасибо ещё раз за этот разговор.

Александр Можаяев

Пользуясь темой дискуссии, хотелось бы выявить и обсудить **НЫНЕШНИХ** писателей-деревенщиков, тем более что они у нас есть, но, как показывает разговор, до них никому нет дела.

Надежда Мирошниченко

Александр Можаяеву

Дорогой Александр, ваше стремление совершенно понятно и справедливо. Но, честно перечитав все отклики, я пришла к тому же вы-

воду: мы истосковались по обмену мнениями о положении и качестве русского народа, чья основа как народа-земледельца – это основа крестьянина. Потому так много направлений дискуссии, вырвавшейся за рамки литературы сегодняшней, что тема многопланово нигде не обсуждается. Конечно, даже произведения авторов сайта, не считите за лесть, того же Николая Дорошенко, Владимира Крупина, Дмитрия Воронина, Николая Олькова и самого Александра Можаяева, список можно долго продолжать, требуют большого и нужного разговора. Но в том-то и дело, что вся наша русская литература – только зеркало вчерашнего и сегодняшнего дня России земледельческой, т. е. коренной, т. е. национально-многонациональной. Той, без которой Россия не нужна, без которой она превратиться в один из рабовладельческих рынков труда и ресурсов. Потому этот разговор и надо как-то структурировать, но все направления сходятся в одной точке – положение русского народа на сегодняшний день. Разве не забота и отчаяние сквозят в отклике Валерия Яковлева – первом отклике сайта? И во всех последующих, за редким исключением. И, к сожалению, мы не можем в этом вопросе прикрыться только анализом деревенской литературы: проблема превышает возможности нашей литературы. Ибо такой трагедии, которая произошла с русским народом в XX веке, не произошло ни с одним народом СССР. Потому и разговор этот должен быть систематизирован и продолжен во времени. Пусть с перерывами, но начистоту. Бог в помощь!

Юрий Брыжашов

Александр Можаяеву

Если задать тему «Литература сегодняшнего дня», то как раз и начать надо хотя бы с напоминания о Гоголе, Толстом, Достоевском. Не с «литературки-быковки» же, не с плевелиных, сорокиных-носорогиных, швондеровичей и пр. Фактически два с половиной десятилетия все значительные произведения соотносились с деревенской прозой. Я говорю о том, что это и была, собственно, подлинная литература, понимаемая как целое. Уточните, что вы лично понимаете под деревенщиками ныне и что, на ваш взгляд, подлежит обсуждению? Не думаю, что многое даст перечисление одного ли, двух ли (или больше) десятков прозаиков, так или иначе касающихся проблем деревни, повествующих о ней, хотя это, безусловно, нужно. Но для этого достаточно нескольких умных и содержательных статей. Так о чём будем говорить? О них? Пожалуйста, говорите. Мне представляется, что обсуждение такого сложнейшего, едва ли не центрального вопроса пусть идёт, как идёт.

Я, кстати, считал, что оно словно бы исчерпалось, и добавил свой комментарий. Меня не удовлетворяют многие комментарии – что из того?

Считаю, что мы до сих пор так и не осмыслили феномена целого пласта этой литературы именно как единого целого. Просто прочитали некогда Белова, Распутина, Абрамова, Носова, Астафьева, даже не поинтересовавшись,

мне думается, каким вывихом прикидчивого и разымчивого времени выпал из этого ряда, например, Иван Акулов, которого сами эти писатели считали самым талантливым среди них.

Так какие задачи решала и решила эта литература?

Какое наследие оставила нам?

Что мы можем взять из этого наследия сейчас, что наиболее актуально для дня сегодняшнего?

Только хотя бы частично определившись со всем этим, можно двигаться дальше. Иначе – вообще никуда не двинемся.

Я, например, считаю, что надо бы, нет – просто необходимо вернуться к тому, как воспринималась эта литература в прошлом известными литературоведами. Всё известно, говорите? А многие ли знакомы со статьёй В. В. Кожина, о которой упомянул Тимофеев? В кратенькой статье много мыслей, которые и сейчас более чем актуальны.

Михаилу Попову

Дорогой Михаил Константинович, вполне разделяю вашу горечь по поводу состояния страны, общественного бытия, нынешнего мироустройства и всего остального. В моём комментарии главным был вопрос о традициях, о преемственности литературного процесса в России. Среди сотен (уже тысяч, наверное) статей по интересующей нас теме очень мало материала, посвящённого именно связи Белова, Распутина, Абрамова и других наших авторов с классической русской литературой. Что удивительно. Нет, конечно, говорилось, но всё – вскользь, поверхностно, шаблонно. Кстати, когда эта связь просматривается в публикациях современных поэтов и прозаиков, появляющихся на сайте «Р. П.», всегда в своих комментариях отмечаю и подчёркиваю это, что, кроме меня (простите за нескромность), никто больше не делает. При всём том – не получилось написать вам, что считаю ваше последнее историческое повествование стоящим вровень не только с классическими образцами исторической прозы, но и прозы вообще.

Повторюсь: написал свой комментарий ещё и потому, что показалось – обсуждение прервалось, закончилось. Конечно, в нём нет того, что бы могло удовлетворить вас, но ведь и решить вопросы, касающиеся уже всего общества и общественной жизни, вопросы, которые вами поставлены, решить их ВСЕ И СРАЗУ не представляется возможным.

А дальнейшее обсуждение, безусловно, необходимо. Пусть идёт, пусть двигается. Хотя бы и в том, не всех удовлетворяющем (и меня тоже) виде, что наличествует сейчас.

Фома

Деревенщики зовут к возвышенному, к духовному совершенствованию и бессмертию, призывая человека умерить свои материальные поползновения. Это, несомненно, делает их значительными среди так называемых писателей «рода» и выводит в ряд мировых мудрецов...

Владимир Подлuzский

В дискуссии то и дело появляются попытки «модераторства». Этакого большевицкого под-

хода к современному литературному процессу. А на самом деле – высокомерного шиканья. Таким образом авторы пытаются подчеркнуть свою «избранность». Не надо этого делать. Давайте договоримся, когда мы пишем «деревенская литература», в кавычках или без кавычек, мы предполагаем, что это по-настоящему русская литература. А если она ещё создана с глубоким знанием предмета, то бишь сельского человека, да с корневым языком, то, без сомнения, имеется в виду РУССКАЯ литература.

Городская таковой быть не может. Потому что она давно растеряла национальные черты и стала в лучшем случае интернациональной, мало православной и ещё меньше общественно значимой. Как правило, это литература узких групп и кружков, помешанных на блистании металла, а не человеческого разума. Именно там и появляются разного рода «измы». Те самые детали, в которых сидит дьявол. И если уж в наших рассуждениях появляются новые сведения и новые мысли о современной деревне как давно глубоко не паханном литературном поле, то нужно понять причины их и как-то, возможно, со временем применить в своём творчестве. Искренне желаю УСПЕХОВ!

Александр Можаяев

Всё-таки не захотели меня услышать, заболтали высокими фразами... Хорошо. Тогда выскажу совсем иную мысль, пусть она и покажется кому-то крамольной. Как думаете, появились сегодняшним днём какой-нибудь безвестный Распутин, Белов, Абрамов... Были бы они услышаны? Прочли бы их? Отчего-то у меня есть такое чувство, что, появившись сегодня Гоголь, и его б не заметили. Грустное чувство...

Николай Денисов

Прав Можаяев. Сегодня не прочли бы и Гоголя.

Олег Тарасов

Александрю Можаяеву

Поскольку разговор никак не перейдёт на персоналии сегодняшних деревенщиков, то напрашивается вывод, что известных авторов нет. Как нет и прогремевших произведений.

Конечно, писатели-деревенщики есть, ими и произведения написаны, но я здесь делаю упор на сочетание их с приставкой «известные» и «прогремевшие».

Сегодня говорить по отношению к писателю, что он «услышан», его «заместили», надо с пониманием сегментов читательской (литераторской) аудитории. Чтобы не строить фантастических прогнозов, которые никогда не сбываются.

Сегментов сейчас масса, мало того, что они разделены по жанрам, идеологии, так ещё деление по типу физического носителя сейчас играет роль. Кто-то читает исключительно с экрана монитора и качает тексты из Интернета, для кого-то автор не писатель до тех пор, пока его имя не начнёт упоминаться в телевизоре.

Люди либерального толка не интересуются литературой русских национальных писателей

от слова «вообще». Соответственно, для русского писателя исключается вся информационная структура, завязанная на либералов. А Москва (организации русской ориентации) в связи с этим фактом и в связи с обеднением материальных ресурсов не в состоянии выполнять те функции раскрутки, которые выполняла 25 лет назад.

Количество пишущих возросло в разы, а читающих, напротив, в разы снизилось (начитанность перестала влиять на статус, особенно среди простого населения), критики не собираются выполнять роль эхолота – тратить время и силы на мониторинг новинок и выуживать из загаженных книжных глубин нечто ценное.

Большая часть читателей бредёт сама по себе, повинуюсь собственному вкусу, а не рекомендациям профессионалов. Именно такое подавляющее большинство абсолютно индифферентно к деятельности и мнениям любых писательских союзов и каких-то там пенон-клубов.

Русский язык претерпевает сейчас колоссальное упрощение. Из понятийного оборота уходят не то что древние слова, русские архаизмы, а уходят даже современные слова по причине длинноты, по причине, что навязали английский аналог, и пр. Поэтому деревенщикам тяжело втройне. Открыв, например, Анатолия Байбородина и прочитав там три абзаца сложной лингвистики, мало кто поставит цель продрасться через всё это на протяжении ста страниц. Оставляют без читательского вдохновения попытки Евгения Шишкина (из «Нашего современника») подстроиться под деревенщика. Ощущается какая-то искусственность.

И только определив потенциальную аудиторию, где писатель-деревенщик способен прозвучать и быть услышанным, можно говорить о процессе услышанности.

Михаил Попов

Попробую тезисно повторить основные мысли разговора. Не посетуйте, если что упустил.

Валерий ЯКОВЛЕВ: Деревенщики хотели одного – взросления читателя, чтобы читатель из обывателя превращался в гражданина. Потому что всенародное дело есть прежде всего коллективный гражданский поступок.

Александр ИВАНОВ: С появлением деревенской литературы в СССР началось то, что называется ростом национального самосознания.

Николай ДОРОШЕНКО: ...У русских читателей впервые появились не отдельные имена, а целый слой своей национальной, народосберегающей элиты. И уже литература стала различаться не по тематике, а отношением к человеку как к высшей ценности и отношением к своей стране как к родному дому. Сужая проблему деревенской литературы до темы деревни в литературе, мы не отдаём себе отчёта в том, что после 1917 года русская литература во всех её высоких смыслах заново родилась именно в колыбели литературы деревенской.

Андрей ТИМОФЕЕВ: На мой взгляд, новая литература невозможна без преемственности, без некоторой оглядки на деревенскую прозу (а через неё, как правильно подметил Нико-

лай Иванович, и на всю классическую русскую литературу). Но эта оглядка – скорее сверяние нравственного ориентира, чем подражание, перенимание художественных приёмов, развитие тем и т. д.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО: Очень нужный разговор, который должен стать перманентным, прости Господи!, т. е. непрекращающимся на сайте. Его надо выводить в отдельную площадку «Р. П.»! А уже итоги дискуссии дарить нашему правительству как продукт общенародного фронта.

Светлана ДЕМЧЕНКО: ...Самобытное творчество деревенщиков никогда не было конъюнктурным и услужливым моде, оно наполнено вечным смыслом и правдой жизни. Чьё бы вы ни взяли – Ф. Абрамова, В. Белова, А. Яшина (Русский Север), Б. Можяева, М. Алексеева, Е. Носова, Н. Рубцова, В. Солоухина, В. Тендрякова (центр России), В. Лихоносова (юг России), В. Распутина, В. Шукшина, С. Залыгина, В. Липатова, В. Астафьева, И. Акулова (Сибирь)...

Николай ДОРОШЕНКО: ...Бездорожье Севера сохранило культуру крестьянского сословия до той поры, когда крестьяне, получившие образование, смогли в русской литературе сыграть ту же роль, что и дворяне в XIX веке.

И вопрос вот в чём: есть ли ныне у России то сословие, которое как русский культурно-нравственный тип сохранилось?

Юрий БРЫЖАШОВ: Нельзя не согласиться с Надеждой Мирошниченко. Осознание, понимание того, чем была литература, о которой идёт речь, – ключ к пониманию состояния и литературы сегодняшней, её проблем и задач. И конечно, обсуждение этого должно быть периодически возобновляемым, снова и снова. Через каждые, допустим, два месяца. Необходимо возвращаться и возвращаться к осмыслению того, что это была за литература как таковая. Тем более что фактически два с половиной десятилетия, с 1966-го по 1991 год, все значительные произведения соотносились с деревенской (действительно, искусственное и неверное название) прозой.

Хочется особо подчеркнуть связь выдающихся представителей этой литературы с классической русской литературой XIX–XX веков. Творческое наследие их – как раздвижной мост во времени, который, заполняя известную пустоту, достигает вопреки всему дня сегодняшнего.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО: ...Вся наша русская литература – зеркало вчерашнего и сегодняшнего дня России земледельческой, т. е. коренной, т. е. национально-многонациональной. Той, без которой Россия не нужна, без которой она превратится в один из рабовладельческих рынков труда и ресурсов... Этот разговор надо как-то структурировать, но все направления сходятся в одной точке – положение русского народа на сегодняшний день. Разве не забота и отчаяние сквозят в отклике Валерия Яковлева – первом отклике сайта? И во всех последующих, за редким исключением. И, к сожалению, мы не можем в этом вопросе прикрыться только анализом деревенской литературы: проблема превышает возможности нашей литературы. Ибо такой трагедии, которая произошла с русским

народом в XX веке, не произошло ни с одним народом СССР. Потому и разговор этот должен быть систематизирован и продолжен во времени. Пусть с перерывами, но начистоту.

ФОМА: Деревенщики зовут к возвышенному, к духовному совершенствованию и бессмертию, призывая человека умерить свои материальные поползновения. Это, несомненно, делает их значительными среди так называемых писателей «рода» и выводит в ряд мировых мудрецов...

И в заключение повторяюсь:

Деревенская литература, начавшаяся с «Тихого Дона», – самое яркое явление отечественной словесности XX века. Она корнями уходит в русскую классику XIX века и глубже – в русские народные сказки и былины. Именно через такую словесность мы с вами (обращаюсь к аудитории) с детства питались соками родной земли, становясь подлинно русскими людьми, патриотами своего Отечества.

Наши дети и внуки уже лишены этого истока. Нынешнее министерство образования методично уничтожает национальные корни, изымая из учебных программ подлинно русскую словесность и подменяя её толерантным мармеладом или постмодернистскими ГМО.

Что делать в этих обстоятельствах нам, русским литераторам? Всячески препятствовать этому пагубному для наших детей и, следовательно, нашей Родины процессу. Ведь здесь узел нынешних бед – разрыв поколений, отпадение молодёжи от кровного, от корневых традиций. Человек без корней, без глубинной – через словесность – связи с родной землёй – перекасти поле. Сколько их, наших детей и внуков, носит сейчас по миру!

Надежда Мирошниченко

Поддерживаю предложение Николая Олькова о Всероссийском конкурсе современной деревенской литературы. Бог в помощь, Николай!

Если не получится пока, завести отдельную площадку на «Р. П.», где опубликовать лучшие рассказы сайта. Добавить к «Современной русской литературе» как отдельный раздел.

Гость

Литература должна выражать голос народа, а не быть деревенской или городской.

Надежда Мирошниченко

Гостю

Естественно, речь идёт о лучшем и главном про наше крестьянство, а тут – хоть кто хорош. Лишь бы талантливо и на тему. Если делать ещё одну рубрику в сайте, её можно назвать «Родная речь».

Юрий Брыжашов

Обсуждение сложное потому, что речь идёт о народной литературе, поскольку говорить о «деревенской», «поселковогородского типовой» и иной не приходится. Подобная тема – материал для многих и многих серьёзных научных конференций, требующих соответствующей подготовки. Всё же обсуждение, как кажется, получилось содержательным. Жаль, что руко-

водители региональных писательских организаций остались в стороне. Нужное, актуальное обсуждение, притом что интересы участников его, конечно, были различными. Светлане Демченко, например, были интересны и некоторые методологические вопросы, касающиеся обсуждаемой темы, ибо она сама владеет методологическими аспектами литературоведения; комментарии А. Тимофеева свидетельствуют о том, что он стал очень серьёзным критиком, углублённо и внимательно изучая труды М. Лобанова, В. Кожина, В. Курбатова, Ю. Селезнёва, П. Палиевского и др. замечательных литературных критиков и литературоведов, чей слог полон высоких мыслей и высоких слов; для А. Можая высокие слова – это просто забалтывание интересующих его вопросов, но когда О. Тарасов (спасибо ему) ответил на то, что интересовало Можая, стало понятным, что Тарасов сказал обыкновенные вещи, очевидные для всех, касающиеся общего состояния нерыночной литературы. К примеру, в Иркутске вышел очередной прекрасный исторический роман Г. Пакулова тиражом... 100 экз. В. Плотников не знает, где и как напечатать продолжение своего замечательного исторического романа, отрывки из которого публиковались на сайте «Р. П.». Такие примеры можно приводить сотнями.

Взгляд на литературу тех лет из дня сегодняшнего, сверка мнений в понимании значения этой великой литературы для определения должествующей планки, должествующего художественного уровня, которому должны отвечать литераторы нынешние, – всё это чрезвычайно актуально и необходимо.

И совершенно уместно снова назвать выдающихся писателей – выдающимися.

И вспомнить других замечательных писателей того поколения, честно вершивших свой труд и работавших по той же тематике: С. Крутилина, В. Марченко, А. Ткаченко, С. Антонова, Г. Машкина, С. Воронина, А. Скалона, которого внимательнейшим образом читал в начале своего творческого пути Василий Макарович Шукшин. Вспомнить хотя бы некоторых – и поклониться.

Некоторые из них выступили прекраснейшими рассказчиками и повествователями ещё до появления беловского «Привычного дела».

Что касается конкретных фамилий писателей современных. Привёл бы кто-то несколько фамилий, другой, третий – ещё по несколько на девяносто процентов никому неизвестных – через несколько комментариев всё бы и закончилось. Хотя дело это, безусловно, необходимое. Вероятно, лучше сделать это обобщённо кому-то из региональных руководителей писательских организаций, допустим, Нечерноземья, посоветовавшись с коллегами из своего региона, потом – А. Кердану и так далее. Не будет ничего плохого и в составлении «обойм» перспективных тридцатилетних и сорокалетних писателей. Во всяком случае это должно быть весомым и значимым, а не отрывочным, как получилось бы ныне, хотя те, кто пожелает, могут и сейчас назвать достойные, на их взгляд, фамилии. Предложения Н. Олькова и Н. Мирошниченко нельзя не поддержать.

Хорошо бы нынешнему обсуждению не прерываться, чтобы итог, выведенный М. К. Поповым, оказался промежуточным.

Виктор Бараков (Вологда)

Поддерживаю предложение Николая Олькова о конкурсе. В Вологодской писательской организации работает замечательный прозаик, пишущий о деревне, – Станислав Мишнев. Лауреат многих премий, в том числе Всероссийского литературного конкурса современной прозы имени В. И. Белова «Всё впереди».

Михаил Попов

Рад, что открылось «второе дыхание» – продолжение разговора.

Николай Иванович сам почувствовал, что негоже нынешнюю дискуссию отправлять «в отвал» и вынес тему в шпигель, как говорилось в поры моей газетной юности.

Глянула мысль о структурировании, которую высказала Надежда Мирошниченко, воистину системный, государственного склада человек. И название «Родная речь», ею же предложенное. Такое окно (представляется обложка давней хрестоматии с пейзажем Шишкина) открывает простор и для диспутов, и для организационных акций. Нам всем этого не хватает. Прения на съезде раз в четыре года – этого явно мало. Раньше в парт.-сов. обиходе существовало ПДПС – постоянно действующее производственное совещание. Почему бы не создать таковое в рамках «Родной речи»?!

Вырабатываем, допустим, какую-то резолюцию. Выносим на обсуждение. Голосование – по электронке. Нас в СП России 7 тысяч. Даже если проголосует половина – это внушительная сила. 3 тысячи подписей под резолюцией, скажем, о смещении министра образования*. Кто отмахнётся?! Тем паче накануне выборной гонки.

Александр

Т. н. деревенская проза свою задачу выполнила полностью. Не стоит рассматривать её в отрыве от истории всего русского (советского) крестьянства. Возможно, что достаточно рассмотреть небольшой период истории от знаменитого письма Шолохова Сталину и ответа на него (о том, что хлеборобы ведут войну против советской власти), чтобы понять: главное событие XX века – окончательная победа крестьянства над государством. Явление деревенской прозы – часть этой войны. Крестьянство выдвинуло в передние ряды самых лучших и самых талантливых своих сыновей. Во второй половине XX века ничто не могло нанести такого урона советской власти, как это сделала деревенская проза. Именно она заставила огромный народ осознать всё несовершенство сложившихся в советском обществе отношений.

Естественно, что плоды победы в борьбе с властью, само звание победителей были перехвачены кухонной интеллигенцией, которая была более шумной.

* *Миновало четыре месяца после этих слов – и страна обрела нового министра образования.*

Занятно и символично, что могильщиками советской власти стали всё же выходцы из деревни: ярославский крестьянин Яковлев и ставропольский комбайнёр Горбачев.

Владимир Плотников (Самара)

Увы, не сумел вовремя включиться, но лучше поздно...

Близки внутренне многие мнения (Н. Дорошенко, Н. Ольков, М. Попов, Ю. Брыжашов, Н. Мирошниченко, О. Тарасов, Г. Блехман, С. Демченко, А. Тимофеев, П. Бойченко).

Да, не всё пока связано и связно. Но стоит ли, приглашая к общему разговору, с ходу пенять на «бессистемность»? Строгие схемы, логические цепи, математический расчёт и «соборные уложения» – не литература. А всего лишь количественный результат, не всегда, к слову, перерастающий в художественное качество.

Великое, то есть искреннее, светлое и значительное, чаще всего сростается из наивных наитий, случайных угадок, короче, духовных поисков. Обычно весьма неспешных. Спешность вплоть до ускорения – приём «шоковых терапевтов».

Не всё сразу. Вспомним, как на заре нашей современной, весьма тогда разобщённой словесности чахоточный Виссарион Белинский постарался, чтобы «сборище» хороших писателей осознало себя Большой Литературой, увидело общее направление, личное место, вектор развития... Критик Белинский, собственно, и был идеолог, равно как теоретик и практик, сборно-нового (невиданного ещё у нас) проекта «Великая русская литература».

Это, к слову, о роли критиков!

...Деревенская литература. Деревня. Русская деревня. Она давала народу хлеб, одежду и силу: воины-ратники были мужики. Не купцы, не дьяки, не мытари, не разночинцы. Город брал, город грёб. И сейчас гребёт, безвозвратно сплавляя все материнские соки «Сыры Земли» – туда, небожителям.

А небожителям, особливо западного окраса, нужны ли умные Деревенщики, которые не просто русскую Деревню пели, а спасти пытались, видя, куда её загоняют? Спасти красиво – таким языком, таким слогом, каких нет у большинства Нобелевских лауреатов. Так зачем же им там слышать наше дивное Слово о Деревне (читай России)?! Им, приговорившим Россию к расчленению на три удела (выгребная яма, ресурсные копи и бензонасос с бригадой аборигенов). К тому же у них, «олимпийцев Заката», всегда была своя 5-я колонна «небообслуги», которая всю рыла/копала ещё задолго до постмодерновой «апокалиптической апоплексии» под кодом «развал Союза».

Это к ответу на вопрос, почему наши Деревенщики для них не мировые классики, а всего лишь «племенные писатели». Раз тебя не заметили там, ты автоматически «абориген из племени орков». И от этого статуса даже Пушкин с Гоголем, Лесков с Куприным, Гаршин с Гончаровым «за грехи наши тяжкие» недалеко ушли.

Другое дело, когда «племенного» назначают «всемирным». Такое случается. Но заметьте,

по большей части с довольно ограниченной (избранной/элитной) кастой. Что весьма красноречиво отражено в нобелевской табели о рангах литератур первостатейных и прочих. Русский калибр – во втором ряду.

Обобщая сказанное, «племенным» Белову, Распутину, Шукшину «програть» по миру не дадено. У них и ценность не та – просто Человеческая. Тогда как «в мейнстриме» – обще... гоминидная. «Племенные» же не хотят, артачатся – упёрты! И даже когда пишут о маленьком человеке (за что во время оно превознесли Достоевского, Чехова, Кафку), это человек нормальный. А не человек-уродец из калечного «эрзац-меньшинства»: наци-нарко-секси-алко-шизо...

Уверен, и Достоевский с Толстым сказаны были в «мировые» поспешно, тексты прочитаны поверхностно и схвачены фрагментарно. Ведь некоторые, мягко говоря, неполиткорректны. Правда, и время было другое: грубоватое, нетолерантное, уголовно-опасное для «нетрадиционных меньшинств», будь ты хоть сам Оскар Уайльд. Плюс переводы с русского опять же не сплошняком шли – выборочно.

Если же внимательно прищуриться, то «мировым» окажется лишь самопровозглашенное меньшинство из «западного культурного сообщества», чьё поголовье оптом уступит Китаю, не считая Индию или Африку. Однако «в современном Китае Распутин более читается и почитается, чем Фолкнер» (П. Бойченко).

Так и кто из них «мировой», а кто «племенной»? И где тот камертон или ростомер, который достаточно тонок и точен, чтобы его сочла справедливым Вся Цивилизация? Как ни верти, а ни Индию, ни тем более Китай дикими не назовёшь. Их история, культура, наука на столетия древнее европейской. Почти все великие европейские открытия/изобретения после Возрождения – законченное эпигонство с китайских оригиналов. Китай всё это открыл за тысячу лет... И литература там дай Боже: Ли Бо, Ду Фу, Ван Бэй, Вальмики, Вьеса, Калидаса, Тагор, Лу Синь... А если вспомнить весь восточный литсинклит от Саади, Рудаки, Руми, Джами, Навои, Омара Хайяма...

Ну и сколько китайцев и индусов в «мировой клуб» принято? Пальцев с левой руки Ельцина хватает. Впрочем, про объективность и честность нобелевского выбора я уже недавно порассуждал, прибегнул даже к арифметике. Не всё там, в Швеции, было честно даже век назад.

Чего уж говорить про «сей час», когда патологическому автору при первых же пуках присваивают «культовый номер» в привилегированных слоях «голубого сала» (о худ. уровне свежей нобелиатки Алексиевич не тут)?

Пожалуй, глядя на таких обладателей «мирового звания», русским Деревенщикам остаётся гордиться, что им туда не попасть даже с мылом. «Рылом не вышли». Как и ростом: планка-то сегодня всё чаще болтается где-то между пахом и пупком.

Но я почему-то верю: Литература выстоит без кавычек и пребудет с заглавной буквы. А в этом и заключается солидная лепта скромных и стойких русских советских Деревенщиков. Как

верно показал Николай Дорошенко, некрикливые эти герои расчистили Русскую дорожку от рапо-нэпманского хлама и открыли блистательную Советскую главу. В ней же гениально просто воссоздали образы живых русских людей, кристаллизовав художественно, явив невольным манкуртам родной наш тысячелетний, невзирая на все напасти, никем не перебитый ЛАД... Тем самым Деревенщики сберегли и облагоородили само литературное Слово, расцветив и обогатив его небывалыми красками, метафорами, смыслами.

Политика политикой, конъюнктура конъюнктурой. Но для Языка, для Речи, для Книги вечное волшебство и совершенство стиля гораздо важнее ажурных, дежурных и тем более пожарных «идей, экспериментов и течений». И значит, грянет звёздный час Деревенской литературы, как настиг он после смерти Лескова, Шмелёва, Булгакова, Платонова, а из «ихних» (но взаправду Мировых) – Гомера, Стендаля, Мелвилла, Гашека... Ибо поверенный судья тут самый честный, самый неподкупный – Время. Потому что их творчество – это родниковая вода, это чистый сок, соль земли и, может быть, живое пиво и элитное вино... что угодно другое, но природное, только не «кокаин высшей очистки». И это славно!

Что касается современных имён Деревенских писателей, полагаю, их теперь не меньше, чем 30 лет назад, просто не высвечены, не рецензированы, не переведены, не замечены. В общем, НЕ ПРОГРЕМЕЛИ. По уже указанным причинам.

Допустим, на самарской земле по-прежнему в меру сил работают, пишут, и вперёд всего о деревне, Иван Никульшин, Сергей Жигалов, Александр Малиновский. На закате Года литературы ушёл Евгений Лазарев, никем не внесённый в список замечательных Деревенщиков. А это о нём ведь слова: *«Дорогой Евгений Лазарев! Какой светлый и беспредельно добрый рассказ Вы написали (я имею в виду «Жениха и невесту»). Читал его на пути из Салехарда и радовался, и северная осень за окном вагона делалась как будто теплой, и даль ясная проглянула. Сейчас редко удаётся прочесть хороший рассказ – мало их пишут, не прокормишься ими, а жанр-то такой ёмкий и бесталанным людям неподвластный! Желаю Вам всего доброго и хорошего да всё такой же уверенной и доброй прозы. Будьте здоровы! С приветом и уважением, вологжанин нынешний В. Астафьев. 25 сентября 70 г.»*. Сказано 46 лет тому...

Видите, кому-то (достоинейшему!) недодано было и при жизни...

Если не ошибаюсь, не помянули и Сергея Антонова. Хотя «Дело было в Пенькове» на сломе веж позвучало (не прогремело) тоже по-другому, по-новому. Без партийно-урожайных лозунгов. Просто о живых чувствах нормальных людей.

Как опять же в тени остался и любимый мной Виль Липатов. Благодаря «Печальному детективу» раньше «чудиков» Василия Шукшина я был очарован Деревней. Между тем могучий сибиряк Липатов – писатель огромного кругозора. Он мастерила блистательные по исполнению, глубокие по смыслу, ядрёные по языку книги

о сельском милиционере Анискине, колхозниках Колотовкиных, строителе Сузуне, речнике Валове, инженере Прончатове, культработнице Вараксиной, спекулянтке Верке Косых, путанике Игоре Саввовиче и даже алкоголике Баландине («Серая мышь»). А ещё – решительно и задолго до «перестроечных петушков» он сказал веское слово о последних, удушаемых комфорт-конформизмом комсомольцах Столетовых (вопреки фамилии не потянувших даже на век). И главное: о той ползучей чумовой «гасиловщине», что уркаганским заподлянским гасилом (древнерус. «кистенем») угасила всё то, что и было отчёркнуто участниками стола, а предугадано и проречено еще Деревенщиками... Вот и начали «гасилово» с Деревни.

Не их беда, что мы не услышали.

Кто-то слушал и слышал очень чутко, а гасил очень тихо, тонко, но точно!

Отдельное спасибо за добрые слова в мой адрес Юрию Брыжашову. Только боюсь разочаровать: ни первая часть «Московита и язовита», ни 2-я не сподобились книжного издания (все-го лишь журнальный вариант). Хотя могли бы печататься отдельными томами (сюжетно автономными), как это и делалось в позапрошлом/прошлом веках. Да кто бы взялся? Притом что, опубликованные задолго до немислимой ещё 2–3 года назад встречи Папы с Патриархом, они бы могли составить небесполезное чтение (а не чтиво).

В этой связи боюсь, что ненапрасны «мрачные догадки» о судьбе, появившись они лишь сегодня, Белова, Распутина или Крупина. Не только они, все новоявленные Толстые, будь они хоть трижды графья, не попали бы в тренд печатных имен РФ-2000-и-далее гг. По той непростой причине, что для включения в ихнюю обойму не род и не дар важны, а клановые, корпоративные, местечковые мерки с линией водораздела свой – чужой. Представьте, нынешний редактор открывает первую страницу первого тома «Войны и мира», а там всё на французском. Куда? В корзину. И всё такое шибко художественное, витиеватое, мастеровитое – туда же.

Увы, повернуть этот поток вспять, к родникам, как видим, куда сложнее, чем 40 лет назад – сибирские реки. Только ведь надо... Просить – не надо. Нужно брать. Ибо Слово – самое мощное оружие в природе.

Надежда Мирошниченко

Согласна с Владимиром Плотниковым. Важно, чтоб люди понимали, о чём речь. Главное выделится в потоке обязательно. И дело здесь не только в разговоре о деревенской литературе. А о хранилище истока многонационально единого русского народа. С уважением ко всем и с глубокой благодарностью к Хранителям этих истоков. Бог в помощь всем нам!

Юрий Брыжашов

Обсуждение, видимо, подходит к концу. Оно было содержательным, хотя тема просто огромна и очень сложна, ведь речь идёт, собственно, о современной литературе в целом. Поэтому разумно, наверное, заранее, прямо сейчас обозначить несколько вопросов, которых нужно

будет придерживаться при возможном дальнейшем обсуждении

Первый – о литераторах, работающих сейчас в этом направлении.

Второй, очень важный: как подходить к теме с учётом изменения общественно-политического строя в стране, хотя он, возможно, преждевременен, ибо может вызвать политическую дискуссию с неизбежным уходом от главного. Нужна постановка и других вопросов.

Повторюсь: хорошо было бы наметить эти вопросы прямо сейчас. И, может быть, после этого вполне возникнет возможность это обсуждение продлить и далее.

Михаил Попов

В ходе дискуссии прозвучало немало как определений, что есть «деревенская словесность» (см. публикацию Елены Галимовой, филолога, члена нашей Архангельской писательской организации), так и предметных предложений, высказанных Надеждой Мирошниченко и другими авторами (ранее перечислял).

Наверное, есть смысл их «просеять» и вынести на пленум СПР, который состоится через неделю.

Николай Дорошенко

Повестку дня уже назначенного пленума поменять невозможно, а вот провести конференцию даже и на сайте – нам ничто не помешает. А потом можно будет и пленум провести в городе, где среди университетских филологов есть спецы по русской литературе второй половины XX века и по литературе современной.

С учётом появившихся здесь в комментариях суждений о деревенской литературе тему конференции на сайте я бы обозначил так: «Духовно-нравственные традиции русской классики и деревенской литературы в литературе современной».

Важнейшей задачей этой конференции могла бы стать попытка внятно обозначить те ценности, которые составляют основу нашей литературы и шире – нашей русской цивилизации. И попытка представить современную прозу, поэзию и, может быть, критику, наиболее адекватно отвечающую на вызовы нашей русской цивилизации, в именах и произведениях.

Всё-таки надо нам решиться назвать ключевые имена и произведения современной русской литературы.

Допустим, такую конференцию можно подготовить к осени.

Кто возьмётся за её организацию с помощью волонтеров, проживающих в разных регионах?

А разговор, начатый в этой публикации, мы продолжим.

Надежда Мирошниченко

Николаю Дорошенко

Ура! Коля, не зря я люблю тебя и твою замечательную Елену как лидеров русской идеи и русских патриотов, а тебя ещё как замечательного русского прозаика! Давно пора через писателей добиться внимания к русскому народу, его истокам и его будущему! И будущая конференция должна не только решить вопрос

о значении деревенской и всей русской литературы, а потребовать от правительства ответа на вопрос: понимает ли оно значение Слова и назначение Русского писателя в государстве Российском?! Слава Михаилу Попову, затеявшему эту дискуссию! Бог в помощь всем нам!

Михаил Попов

Идею конференции и заочной (на сайте), и очной поддерживаю. И тема сформулирована хорошо. Совместить бы очную с Днями славянской письменности да провести бы в старинном русском граде, скажем, в Вологде. Филологов обозначенного профиля теперь мало, они не в столице, а Вологодчина – один из «уделов» писателей-деревенщиков – близка им и по географии.

Надежда Мирошниченко

Надо провести конференцию, а её тематику (до следующей) систематически продолжать обсуждать на «Деревенщиках», плюсуя количество откликов к предыдущим. Дорошенко здорово придумал, выведя рубрику, по сути, в эпиграф сайта. Надо показать массовый интерес к проблеме, который уже нельзя будет замолчать. Тема деревенщиков и есть главное – сегодняшнее положение и качество народа на земле и на войне. Весь сельский юг России сегодня практически в прифронтовой зоне. Кабы и запад не оказался таким же. Надо публиковать на сайте все лучшие произведения со всех концов России. Сегодня земля – это и есть национальный голос всех народов России. Ибо город не может восполнять вечное. Бог в помощь всем нам!

Екатерина Козырева (Москва)

В деревне

Я себя протащу до покинутой нашей деревни.
Эх, какие там люди!
В ненаписанной книге прочту
не обиду на жизнь
и не в них присмирившую гневность –
боль за бедность в полях,
за скудеющий лес, нищету.
Утром мама моя не отгонит на выпас Бурёнку –
нет бурёнок давно,
поразъехали все пастухи.
Вспоминает родная: везли на чужую сторонку
нас в телячьих вагонах
платить за какие грехи?
– Так за что же, за что, –
я спрошу, как некрасовский Ваня, –
выгоняли из дома,
бросали на каторжный труд?
– Нас за новые сени, а их вот за новые сани.
Только батя утешил –
а люди и тут ведь живут!
– Всяко было потом, – скажет мама
и тихо заплачет, –
голод, нары да тиф...
да родителей бедная смерть.
Только с наших сиротских,
землёй переполненных тачек
завертелась такая на голой степи круговерть!
Мы о городе новом слагали стихи в культбараке,

ни горячей обиды, ни зла
не держали в сердцах,
только жаль деревеньки,
давно утонувшей во мраке,
жаль, что дети и внуки
всё больше живут в городах.
За деревней бегут облака, словно серые волки,
дуют злые ветра и грызут у домишек бока.
Я уеду теперь навсегда или, может, надолго,
Словно серые волки бегут и бегут облака.

В тридцатые годы началось раскрестьянивание России. Понимая историческую необходимость, не осуждаю действия властей. Но они совершенно переделали народ.

Деревенская проза отразила этот процесс в художественной литературе, названной и не названной здесь.

Низкий поклон писателям-деревенщикам.
Но сколько ещё ненаписанных книг!

Михаил Попов

Очерк моего земляка Сергея Кириллова «Мать – сыра земля... Матушка», только что опубликованный на сайте РП (а прежде в журнале «Двина», № 4, 2015 – ред.), мог бы стать составной частью зачина дискуссии «Деревенщики сегодня. За и против». Не вписался по объёму.

Вчитайтесь в эти сюжеты – житейские повороты. Познакомьтесь с внуком автора. Смотрите, как он постигает деревенский мир, в котором родился и жил дед, пращурцы деда.

Устами отрока, как известно, глаголет истина. Не в стольном граде, не в Питере, второй столице, он хотел бы поселиться, а вот тут, на Русском Севере, в сельской вотчине, где живут ещё Братья и Сёстры, о которых поведал долу и миру северный писатель Фёдор Абрамов.

Спасибо Н. И. Дорошенко,
ведущему сайта «Российский писатель»

Продолжение темы на стр. 93